

Но стоило лишь задуматься, как он понял: нет, это исключено. Только что Цзычэ Уци касался его лица. Если бы он сам стал бесплотным призраком, то прикосновение не могло бы ощущаться столь осязаемо — ведь миры людей и духов разделены.

Перебрав в уме множество догадок, Дунфан наконец заметил лежащую на столе нефритовую шкатулку.

Точно. Это была та самая шкатулка, в которой хранился Божественный Трактат Драконьего Панциря. На ней виднелась глубокая трещина — Дунфан ни за что не мог бы ошибиться.

Через зеркало он отчетливо видел шкатулку, хотя её отражение казалось слегка искаженным и неровным.

Он поднял взгляд чуть выше. Теперь он смотрел уже не в зеркало и видел не изображение, а саму шкатулку — настоящую, с той самой реальной трещиной.

А сам он лежал внутри этого ларца длиной в девять цуней и шириной в восемь.

Эта небольшая коробочка в одно мгновение превратилась в гроб, и Дунфан оказался в нем заперт. Дунфан умер, но не стал трупом, а превратился в книгу, лежащую в маленьком гробу.

Всё происходящее было слишком внезапным и пугающим. И неожиданное появление Цзычэ Уци, и собственное превращение в книгу.

Дунфан смотрел на трещину в шкатулке, и неизвестно, сколько времени прошло, прежде чем Цзычэ Уци вернулся.

Дверь отворилась, Цзычэ Уци вошел в комнату, плотно прикрыв за собой створки. Он подошел к Дунфану и посмотрел на него сверху вниз.

Дунфан смотрел в ответ, но на лице Цзычэ Уци больше не было тех сложных эмоций. С равнодушным видом он протянул руку и с сухим щелчком захлопнул крышку шкатулки.

Погрузившись во тьму, Дунфан снова оказался заперт. Затем он почувствовал, как Цзычэ Уци поднял шкатулку. Его качнуло, и он не знал, что тот собирается предпринять.

— В путь.

Холодный голос Цзычэ Уци прозвучал буднично.

Сквозь стенки шкатулки звук доносился глухо, искаженно. Вскоре он услышал, как ученики

хором ответили: Есть! — после чего тряска стала еще сильнее.

Дунфан не знал, куда направляется Цзычэ Уци, но было очевидно, что тот лично везет шкатулку с Божественным Трактатом внутри.

Говоря о Божественном Трактате Драконьего Панциря, предания гласят, что это сокровище, написанное Небесными начертаниями, было передано Цзютянь Сюаньюй самому Хуан-ди и хранилось в шкатулке размером девять на восемь цуней. Опираясь на Небесные начертания, Хуан-ди создал колесницу, указывающую на юг, и победил Чи Ю. Позже на основе Трактата возникли тринадцать глав военного искусства, двенадцать глав стратегии пустоты, тысяча восемьдесят раскладов Ци Мэнь Дунь Цзя и многое другое.

Божественный Трактат состоял не из одной книги, но сейчас в шкатулке остался лишь этот единственный том. Остальные давно исчезли, и никто в мире не знал, где они находятся. Однако вряд ли нашелся бы человек, который не слышал, что Божественный Трактат — это не просто записи по военному делу или магии, а артефакт, о котором мечтает любой практик.

Дунфан невольно усмехнулся. Только ради этой книги его родители погибли страшной смертью. За свою жизнь он видел слишком много людей, которые сходили с ума, шли на смерть, становились заклятыми врагами и в итоге превращались в прах, пытаясь заполучить этот фолиант.

Хотя все знали, что это равносильно мотыльку, летящему на огонь, люди не останавливались и продолжали свои поиски.

Они считали Трактат величайшим сокровищем, даже не понимая, что именно в нем написано.

Пока Дунфан пренебрежительно размышлял об этом, посмеиваясь над глупостью мира, шкатулку внезапно тряхнуло. Она была слишком просторной, а книга — слишком тонкой, и внутри можно было буквально кувыркаться.

Дунфана охватило головокружение, а затем последовал удар, от которого он едва не потерял сознание. Казалось, его лицо впечаталось в собственное сиденье — ощущение было крайне неприятным.

Дунфан, дороживший своим достоинством, уже много лет не позволял себе сквернословить, но сейчас ему очень хотелось проклясть предков Цзычэ Уци.

Он никогда не знал, что Цзычэ Уци управляет мечом так дико и необузданно. С трудом оправившись от боли в лице, он тут же получил новую порцию толчков, от которых искры полетели из глаз.

— Учитель, впереди еще одна группа живых мертвецов.

Когда Дунфан пришел в себя, он услышал, как Цзычэ Уци произнес:

— Разберитесь с ними, а затем встретимся в эскортном агентстве Пинцяо.

— Слушаемся, учитель, — отозвались ученики.

Услышав название Пинцяо, Дунфан востолбенел. Это агентство было довольно известным в мире боевых искусств, хотя для кланов совершенствующихся оно не представляло никакого интереса.

Он встречал главу агентства Пинцяо в прошлом, но особых воспоминаний не осталось — он забыл, был ли тот высоким или низким, толстым или худым. Помнил лишь, что это был неприятный молодой человек, чья хитрость читалась с первого взгляда.

Впрочем, за столько лет глава Пинцяо наверняка уже стал дряхлым стариком.

Почему же Дунфан так оживился? Дело в том, что Пинцяо находилось совсем рядом с Сектой Тридцати Шести Небесных Врат. Оттуда до ворот секты оставался всего один день пути.

Дунфан переродился в книгу, да еще и в ту самую, о которой мечтают все практики. Явно что-то пошло не так. Сейчас он хотел лишь одного: найти способ вернуться в Секту Тридцати Шести Небесных Врат и выяснить, можно ли восстановить его человеческое тело. В конце концов, быть книгой, не имея возможности ничего предпринять, — это крайне неудобно.

Пока он размышлял, послышалось гортанное рычание, но вскоре звук стих и стал едва различимым.

Должно быть, это были те самые живые мертвецы. Цзычэ Уци снова поднялся в воздух на мече. Эти твари были уродливы, их движения — неуклюжи, и они никак не могли угнаться за скоростью Цзычэ Уци, оставшись позади на расправу его ученикам.

Дунфана лишь удивляло одно: почему так близко к Секте Тридцати Шести Небесных Врат вдруг появилось столько живых мертвецов, сбившихся в стаи?

Наконец, Цзычэ Уци приземлился перед какой-то усадьбой, и Дунфан смог перевести дух.

Над воротами висела вывеска с надписью Пинцяо. Усадьба выглядела не так процветающе, как раньше, а скорее запущенно. Ворота были плотно заперты, стражи снаружи не было.

Цзычэ Уци постучал, и спустя некоторое время ему ответили.

Крепкий мужчина лет двадцати приоткрыл створку, выглянул наружу и, увидев мужчину с обликом небожителя, облегченно выдохнул:

— Спрашиваю, не господин ли это Воци?

Цзычэ Уци невозмутимо ответил:

— Именно так.

Мужчина снова выдохнул, словно встретил спасителя, и поспешно распахнул ворота:

— И правда господин Воци? Какое счастье! Глава давно вас ждет, прошу... А!

Мужчина, только что сиявший от радости, вдруг вскрикнул и отшатнулся, словно утонченный Цзычэ Уци внезапно обернулся уродливым демоном.

В тот же миг раздалось рычание!

Дунфан, находясь в шкатулке, отчетливо его услышал. Опять живые мертвецы. Должно быть, один из них подкрался сзади и напугал мужчину.

Так оно и было: из ниоткуда выскочил фиолетово-черный мертвец, чье наполовину сгнившее лицо выглядело поистине ужасающе.

Мужчина побледнел от страха, но на лице Цзычэ Уци не дрогнул ни один мускул. Никто даже не заметил, как он пошевелился, но шкатулка, которую он держал в правой руке, вдруг со свистом сорвалась с места.

Бам!

Шкатулка, летевшая точно, метко и с огромной силой, врезалась прямо в лицо мертвеца. Удар был такой мощи, что тварь отлетела на несколько чжанов и врезалась в дерево, замертво рухнув на землю.

Шкатулка отскочила назад и плавно опустилась прямо в руки Цзычэ Уци.

В мгновение ока с мертвецом было покончено. Цзычэ Уци неспешно вытянул из рукава чистый платок и стер пятна со шкатулки. Каждое его движение было размеренным, спокойным и уверенным.

В отличие от него, Дунфан внутри шкатулки был в полном смятении.

Сила удара, которым шкатулка сбила мертвеца, была колоссальной. Дунфан внутри кувыркнулся трижды, ударился головой о стенку, а затем, отлетев, получил еще один удар в область седалища.

Теперь он чувствовал себя так, будто лицо переместилось на затылок, а пятая точка — на живот.

Дунфан не сдержался и выругался: он и Цзычэ Уци определенно были несовместимы.

Пока Дунфан беззвучно проклинал Цзычэ Уци, он отчетливо услышал восхищенные вздохи того мужчины. Впрочем, неудивительно — еще никто не оставался равнодушным, увидев господина Воци. Стоило лишь взглянуть на него, как человек невольно проникался уважением к его облику. Казалось, Цзычэ Уци был рожден, чтобы им восхищались, в отличие от самого Дунфана...

Дунфан горько усмехнулся. В отличие от него, за которым гнались, чтобы осыпать проклятиями и оскорблениями. Между ним и Цзычэ Уци лежала пропасть.

Дунфан невольно вспомнил далекое прошлое. В ту пору он был совсем маленьким, не знал ни интриг, ни коварства, и был далек от страданий, связанных с жизнью, старостью, болезнью, смертью, ненавистью и неразделенными желаниями.

Тогда он только стал учеником секты и впервые увидел своего дяДю-наставника Цзычэ Уци. Он так же задирает голову, широко открыв глаза и рот, и восторженно, затаив дыхание, смотрел на него.

Цзычэ Уци в своем бледно-фиолетовом халате казался существом вне возраста, его облик был настолько прекрасен, что на него невозможно было смотреть без благоговения. На поясе у него висел изящный футляр, похожий на колчан. Но внутри были не стрелы, а пятьдесят стеблей тысячелистника цвета железа.

Это было оружие Цзычэ Уци.

Тысячелистник используют для гаданий. В древних книгах сказано: Тысячелистник растет на земле, к эпохе Инь он увядает тысячу лет. Через сто лет вырастает сорок девять стеблей, способных вобрать в себя числа неба и земли. Через пятьсот лет форма становится твердой, через семьсот — лишается листьев и веток, через девятьсот — окрашивается в фиолетовый, подобно железу, а через тысячу — снизу его окутывают духи драконов и черепах.

Стебли Цзычэ Уци были настоящими сокровищами, которым другие могли лишь завидовать.

Вспоминая детство, Дунфан не мог сдержать улыбки. Вскоре после того, как он стал учеником, его представление о Цзычэ Уци перевернулось.

Этот господин Воци, выглядевший как небожитель, на самом деле обладал множеством странностей.

Цзычэ Уци уже вошел в Пинцяо, неся шкатулку. Мужчина, дождавшись, пока он переступит порог, тут же закрыл ворота и задвинул засов.

— Хорошо, что вы приехали, господин Воци, — заговорил он. — В последнее время мы не решались выходить на улицу, даже по ночам спали с включенным светом. Как только солнце садится, слышны вопли живых мертвецов. Ох, а по ночам они еще и в ворота бьются, это так страшно.

Мужчина вел Цзычэ Уци внутрь, не переставая жаловаться:

— Глава внутри, он уже несколько дней не встает с постели от горя из-за потери сына.

Цзычэ Уци шел за ним, лишь изредка кивая в знак того, что слушает.

Пинцяо был известным кланом, и хотя лучшие времена остались позади, они все еще оставались богатыми. Усадьба была огромной, и мужчине пришлось долго вести гостя, прежде чем они добрались до места.

По пути он не умолкал ни на секунду, и даже Дунфан в шкатулке начал страдать от головной боли. Жаль только, что он не мог даже потерять уши, ведь у него не было рук.

Дунфан за долгие годы пережил столько, что стал казаться холодным и нелюдимым, но в детстве он был тем еще болтуном и любил пошутить. А вот кто был по-настоящему невозмутимым, так это Цзычэ Уци. Господин Воци терпеть не мог, когда у него над ухом жужжали.

Мужчина продолжал:

— Младший глава погиб такой ужасной смертью! Его буквально загрызли эти мертвецы. Тело было в таком состоянии, что глава, взглянув лишь раз, едва не лишился чувств. Ох, какая беда.

Наконец они дошли, но не до зала приемов, а до жилых покоев. Мужчина попросил господина Воци отдохнуть, а сам побежал докладывать главе, чтобы потом проводить гостя в главный зал.

Войдя в комнату, Цзычэ Уци поставил шкатулку на круглый стол, а затем достал с пояса один стебель тысячелистника и положил его под шкатулку.

Вскоре мужчина вернулся и сказал, что глава уже ждет в зале.

Цзычэ Уци коротко ответил и вышел, закрыв за собой дверь.

Шкатулка осталась в комнате, даже не запертая. И это притом, что внутри лежал Божественный Трактат, за который другие готовы были перегрызть друг другу глотки. Но Цзычэ Уци, казалось, не слишком дорожил этим сокровищем.

Впрочем, стебель тысячелистника под шкатулкой служил надежной защитой — обычные люди и призраки и на пять шагов не могли приблизиться.

Дунфан почувствовал, как от тысячелистника исходит тяжелая аура. Сам он сейчас почти не имел сил, и соседство с этим артефактом через тонкую стенку шкатулки заставляло его задыхаться.

За время пути, измотанный тряской, он был совершенно обессилен. Теперь, когда наступила тишина, он попытался высвободить свой дух, чтобы выбраться из оболочки книги. Хотя для совершенствующегося тело — лишь обуза, Дунфан понимал, что тело все же надежнее, чем книжные листы.

Увы, сколько бы он ни пытался, ничего не выходило.

Если бы он был человеком, то наверняка вспотел бы от напряжения, но сейчас он был книгой, лишенной даже этого права.

Дунфан не мог вспотеть, но почувствовал, как температура в комнате упала. Стало зябко. Точнее, это было вызвано не холодом, а густой аурой обиды и мертвенным дыханием.

Он почувствовал, как в углу комнаты притаилось нечто, похожее на призрака. Существо, пропитанное ненавистью, молча наблюдало за ним.

Ощущения не обманули Дунфана. В северо-западном углу, в тени, парил дух. Его лица было не разглядеть из-за длинных волос, но по фигуре можно было заключить, что это мужчина. Хотя для призрака пол уже не имел значения.

Дунфан понял, что это дух того, кто погиб насильственной смертью. Обида была велика. При жизни этот человек, возможно, немного практиковал, но настолько мало, что об этом не стоило и говорить.

После смерти сознание духа постепенно стиралось, но гнев и обида накапливались. Дунфан мог поспорить, что тот уже не помнил, как умер, кто был его врагом и даже кто он сам такой. Он жаждал лишь одного — убивать, чтобы выплеснуть накопленную ярость.

Дунфан усмехнулся. Жаль только, что, хоть он сам сейчас и лишен сил, он не был той легкой добычей, которую можно раздавить. Благодаря тысячелистнику, оставленному Цзычэ Уци,

даже сотня таких призраков не осмелилась бы подойти ближе чем на пять шагов.

Так и вышло: призрак злобно уставился на шкатулку, но не решился подойти и даже отступил назад.

Цзычэ Уци отсутствовал долго. Дунфан перебрал тысячи способов вернуть себе силы, но ни один не помог.

В конце концов, измученный безуспешными попытками, он уснул. Когда он проснулся, то по-прежнему лежал в тесном гробу, а воздух все так же был пропитан яростью.

Дунфан удивился: призрак все еще не ушел? Такое упорство показалось ему забавным.

— Кто ты? — спросил он.

Произнеся это, он вспомнил, что стал книгой, и вряд ли кто-то может его услышать.

— Каков же я глупец, — пробормотал он.

Стоило ему закончить, как призрак эхом отозвался из темноты:

— Каков же я глупец...

Дунфан замер:

— Ты слышишь меня?

Призрак, не отвечая, лишь прожигал шкатулку ненавидящим взглядом, а затем проскрежетал:

— Убить... убить... убить их! Отомстить... да, да... убить их!

— Кого ты хочешь убить? — спросил Дунфан.

— Кого? — призрак явно растерялся, но вскоре его гнев вспыхнул с новой силой. — Убить! Убить их! Да!

Дунфан вздохнул. Призрак, очевидно, скитался уже не один день, его разум был помрачен, он даже не помнил своих врагов, лишь жаждал отмщения.

Дунфану это было неважно. Он усмехнулся:

— Я помогу тебе отомстить. Убью тех, кого ты хочешь.

— Убить... — прохрипел призрак, словно перетирая песок. — Ты... поможешь мне... отомстить...?

— Да, — ответил Дунфан. — Я — глава Секты Тридцати Шести Небесных Врат. Мое слово твердо, как камень. Я помогу тебе отомстить.

— Три...дцать шесть небесных врат... — повторил призрак. — Что это... такое...

Дунфана едва не хватил удар. Этот призрак был не только безумен, но еще и невежественен.

Сдерживаясь, он произнес:

— Тебе достаточно знать, что я могу помочь.

— Отомстить, да! Отомстить, — отозвался призрак. — Хорошо, помоги мне отомстить.

Дунфан усмехнулся:

— Но я никогда не работаю себе в убыток. Я помогу, но взамен ты должен дать мне кое-что взамен.

— Что... тебе нужно? — спросил дух.

Дунфан не успел ответить, как призрак сам выпалил:

— Я отдам тебе... всё, что у меня есть...

Я отдам тебе всё, что у меня есть...

Дунфан замер. Он не только слышал эту фразу, но и сам когда-то произносил её.

Тогда, жаждая кровавой мести, он сказал те же слова. Услышав их сейчас из уст призрака, он невольно почувствовал с ним некое родство.

— Мне нужна твоя сила, — сказал Дунфан.

Обычно практики совершенствуют свою внутреннюю энергию, но это долгий путь. Дунфан сейчас был подобен младенцу, и если бы он начал с нуля, неизвестно, сколько жизней ушло бы на то, чтобы перестать быть книгой.

Конечно, существовали и другие способы — те, что презирались праведниками: поглощение чужой энергии, кража жизненной силы.

Дунфан раньше прибегал к подобным методам, они не были ему в новинку. Праведники называли их подлыми, но Дунфан считал, что в этом нет ничего дурного — главное, чтобы всё было по обоюдному согласию.

— Я помогу тебе отомстить, — сказал он, — но мне нужна твоя сила. А когда месть свершится, ты сможешь спокойно переродиться.

Каждый получит своё. Почему бы и нет?

— Отомстить! Отомстить! Помоги мне отомстить! — восклицал призрак, становясь всё более возбужденным, хотя в его голосе по-прежнему звучали растерянность и смятение.

Потому что он уже не помнил...

<http://bllate.org/book/18938/1855715>